

А.С. Ракитин (Москва)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ «ПУШКАРСКОГО ЧИНУ» ГОРОДА СЕВСКА В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

К сообществу служилых людей «пушкарского чина», как правило, причислялись: собственно пушкари, затишники и воротники (составляющие т.н. «строевые чины»), а также рассыльщики, казенные кузнецы, казенные плотники и сторожа – крепостные служители, зеленые, колокольные, шорные мастера, пушечные литцы, горододельцы, колодезники и чертежники (чины нестроевые). Городовые строевые пушкари и затишники подразделялись на полковых и городских (гарнизонных). В военное время полковых пушкарей направляли в армии, где они находились в ведомстве воеводы у «наряда». Оставшиеся в городах люди «пушкарского чина» обязаны были в случае нападения участвовать в обороне «в приход» неприятеля. В мирное время им поручалось дежурство возле артиллерийских орудий и пороховой казны. Помимо этого, служилые «пушкарского чина» отправлялись на пушечные дворы, получали в арсеналах новые орудия и доставляли их в свои города. Пушкари направлялись на заготовку и развозку зелья (пороха) и к изготовлению ядер. В городах, где не имелось воротников, кузнецов и плотников, пушкари выполняли их обязанности – открывали-закрывали городские ворота, ремонтировали «наряд». Пушкарей подражали к строительству и укреплению городов. Во время осады города «полковым» пушкарям помогали горожане, крестьяне и монастырские служки (т.н. посоха). Среди последних также нередко встречались люди, обученные основам артиллерийского дела, способные заменить выбывших из строя пушкарей и затишников. На службе пушкари и их помощники имели при себе ручицы (пицали). Очевидно, что ко службе при «наряде» прибирали тех, кто ранее прислуживал у орудий и хоть

немного был знаком с артиллерийским делом. Число пушкарей и затишников в отдельных городах Московии второй половины XVI в. было различным: 2-3 в Можайске и Кореле, 33-34 в Казани и Опочке. В городах, где имели затишные пицали (в основном на юге), пицальников было от 5 в Вепеве до 48 в Туле.

За службу пушкари получали денежное и хлебное жалованье, а также земельные наделы (об этом подробнее скажем далее). В середине XVI в. московские пушкари получали по 2 рубля в год, по осьмине муки и по полпуда соли в месяц. Помимо этого, они получали на обмундирование «по сукну по доброму, цена по 2 рубля». В походах пушкари получали дополнительное хлебное довольствие.

Русские пушкари XVII в.

Украинские (городовые) пушкари получали в год по 1 рублю, 2 пуда соли, 12 четвертей ржи и овса. Порой вместо хлебного жалования выдавались деньги (например, пушкарям Невеля (пригорода Пскова), которые не имели земли)¹. Земельные наделы пушкарей также не имели постоянной величины: от 0,5 до 6 четвертей пашни на человека. Значительное число пушкарей и затишников занимались торговлей и ремеслами. Так, среди севских пушкарей в XVII–XVIII вв.

четко выделялись те, кто имел кузнечное, сапожное, котлярское и прочее «рукоделие»². Имелись и «серебряные мастера»³. Пушкарки, загишники, воротники, кузнецы и плотники жили в своих дворах в городе или на посаде, однако в некоторых местах у них были даже отдельные слободы. В Казани, Пронске и Дедилове имелись слободы казенных плотников (казюков), а в Дедилове и Борисоглебске – воротничьи слободы. Кроме пушкарей, все эти категории служилого населения «пушкарского чина» были самыми малообеспеченными.

Управление ратными людьми «пушкарского чина» находилось в ведомстве Пушечного (затем Пушкарского) приказа, существовавшего с 1577 г. Приказ включал в себя военно-административные и судебные функции. Он набирал в службу новых пушкарей (и пр.), назначал оклады, отправлял в походы, судил и отставлял от службы. В городах пушкарки «со товарищи» подчинялись осадному голове, если же его не было – то воеводе⁴.

В центре нашего внимания – украинские служилые люди «пушкарского чина», в частности, пушкарки и загишники города Севска.

Севск – бывший уездный город Орловской губернии, ныне районный центр Брянской области⁵. До 1630-х гг. Севск являл собой жилой острог в Брянском уезде, находящийся в Комарицкой волости. Сама волость относилась к ведомству Большого Дворца и представляла собой некое автономное формирование со своими выборными властями и приказчиками с центром в селе Лугань Чемльжского стана.

Относительно постройки в Комарицкой волости Брянского уезда жилого острога Севск известно крайне мало, как и то – кто же был его первым воеводой после Смуты. Имеемая в источниках путаница в фамилиях не достаточно разрешена. Судя по Дворцовым разрядам за 1620 г., воеводой Севского острожка был Иван Васильевич Колтовский⁶. В Разрядных книгах фамилия воеводы звучит как Козлов: «В Северских городех: ...в Комарицкой волости, в Севском остроге, Иван Васильев сын Козлов да подьячий Терентей Еуфимьев; и Ивану Козлову и подьячему велено быти к Москве, а в Комарицкой волости, в Севском остроге велено быти Ивану Володимерову сыну Благому да подьячему Папкрату Бабанину»⁷. Годом ранее, в 1619 г., знаменщик (художник Оружейной палаты) Петруша Тепловский был снаряжен для составления городского чертежа острожка в Комарицкой волости вместе с Иваном Козловским⁸. «Учинен был Севской острог по розсмотрению для

береженья Камаритцкие волости» на месте северского городища времен Киевской Руси еще в эпоху правления Бориса Годунова, однако когда конкретно – архивные реляции сведений не сохранили. Построенный Севский острог «застушил» (прикрыл) собой три стана Комарицкой волости от «литовского рубежа»: Глодчевский, Брасовский и Радогожский⁹. Села и деревни четвертого, Чемльжского, стана окружали сам Севский острог, 15 его селений располагались «по литовскому рубежу, позаду Севского острогу».

Происхождение и состав

Приборные служилые люди Севского «острошка», среди которых непременно находились пушкарки, загишники и воротники, по

Крепостная артиллерия в действии

происхождению являлись выходцами из соседнего Новгород-Северского. «В Камаритцкой волости в Севску людей Новагородка Северского сведенцов», — так гласит один из столбцов со сметными данными по количеству ратного населения¹⁰. После Поляновского перемирия, заключенного в 1634 г., в Севске появляются выходцы из Стародуба-Северского. Частично местное служилое общество в 1620–1630-х гг. пополнялось также не поверстанными в службу родственниками ратных людей, гулящими людьми и дворцовыми крестьянами государевой Комарицкой волости. Самый ранний список новгород-северских служилых людей «по прибору», среди которых, непременно, были отцы и дядья «будущих» севчан, датируется 1605 г. и является раздаточными книгами ратникам, сидевшим в осаде в Новгород-Северском от осаждавших его отрядов Расстриги. Эти осадные сидельцы были местными уздскими детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями и бортниками. Вместе с ними в крепости «засели» ратники из Брянска (дети боярские), Москвы (стрельцы), Трубчевска, Белева и Кром (казаки)¹¹. В обороне города также приняли участие монахи Новгород-Северского Спасского монастыря и даже один слепой старец, ходивший лазутчиком во вражеский стан¹².

Итак, в «осадных» списках служилых Новгород-Северского записаны отцы и деды стрельцов, пушкарей и казаков, переведенных к 1620 г. в Севск. Это: Карцевы, Путипы, Мальцевы, Плохово, Коростелевы, Пасповцевы, Серпуховитины, Киршичевы, Перевозчиковы и другие. Один из рядовых осадных казаков, Иванка Серпуховитин, перед переселением в Севск, в 1618 г. уже числился в пятидесятниках, но бедности своей прося царя дать деньги на проезд из Москвы в Новгород-Северский и наоборот «дай на проезд своево государева жалования»¹³.

Стародубская фракция приборных служилых людей появилась в Севске после заключения Поляновского мирного соглашения, в 1634 г. Сведений о персональном составе приборных ратных людей того города до 1634 г. практически нет. Исключения составляют рассказы о речах времен Смуты стрельцов, казаков, дворян, детей боярских, пушкарей, затинщиков Стародуба-Северского, составленные по случаю предполагаемых сношений служилых с литовскими людьми. В этих списках имеются такие фамилии: Чемесов, Подлинев, Седельников, Серков, Бояркин, Роев, Шишов, Осавцов, Рожнов, Ломакин, Потеряшин, Находкин, Остроглядов(сн), Ла-

шиц¹⁴. Почти все они встречаются в городах, куда происходило переселение ратных людей Стародуба после «литовской отдачи». Однако, как это и водится, поселение пушкарей из Стародуба на новых местах было сопряжено с рядом трудностей, порой доходивших до покушения на их свободу. Так, в конце весны 1635 г. персвещенные из Стародуба пушкари, затинщики и служилые казаки Федька Мотосов со товарищи просили царя не позволять дворянам и детям боярским насильно брать их себе в крестьяне. Стародубцы в своем коллективном «челобитьи» рассказывали, как, «помнячи <...> государское крестное целованье и <...> государскую хлеб-соль», вышли из отданного Литве города в Севск. Служилые люди просили царя дать им жалованную грамоту о непосягательстве на их свободу со стороны местных дворян и детей боярских, жаждущих «ростачить по себе в крестьяне». Соответствующая грамота была получена 5 июня 1635 г. — ни в крестьяне, ни в холопы служилых людей не брать¹⁵.

В 20-х гг. XVII в., с образованием севской прослойки служилых людей «пушкарского чину», сформировался и собственный городской артиллерийский наряд.

Накануне Смоленской войны, в начале 1631 г., он в Севске состоял: из 2 пицалей полуторных медных (к одной 200 ядер в 6 гривенок, к другой 36 ядер по 4 гривенки), 10 пицалей полковых железных (к ним по 108 ядер в 3 гривенки), 3 медных тюфяка (к ним по 1 ядру и 17 гривенок дробы), 4 пицали медных затинных (к ним 99 ядер свинчатых), зелья 199 пудов, 22,5 гривенок, свищу 192 и 23,5 гривенок. В 1630 г. прислано из Пушкарского приказа 100 пудов зелья ручного, 50 пудов пушечного, 50 свища¹⁶.

Помимо службы при наряде, севские пушкари, числом два человека, находились при зельной (пороховой) и свинцовой казне, где менялись «подено» (ежедневно)¹⁷. Любопытным видом службы севских пушкарей в первой половине XVII в. была разведка («лазутчество»). Как правило, в качестве разведчиков (лазутчиков) на русской окраине в зарубежные города отправляли торговых людей, однако вплоть до конца XVII в. прослойка посадских людей в Севске полностью отсутствовала, торговлей и промыслами занимались слободские служилые люди «по прибору». В отписках царю 1638 и 1646 гг. севские воеводы подчеркивали: «В Севске посадских людей нет»¹⁸. Расскажем об этом подробнее.

Итак, главной задачей лазутчиков, как с русской, так и с литов-

ской сторон, был сбор сведений о положении дел в Речи Посполитой, включая информацию о средоточии воинских контингентов в ближайших к московскому рубежу городах-крепостях. Важнейшим местом для «проведывания вестей» был Новгород-Северский. В отписке 1623 г. севский воевода Григорий Горихвостов жаловался об отсутствии, «цсимении», в Севске лазутчиков для получения сведений о зарубежных городах. Так, 1 мая того же 1623 г. в Новгород-Северский для своего «управного» дела к родственникам соби- рались ехать жители Севска – Афонька Труфанов и Сенька Логви- нов. Желая привлечь севчан к разведке, воевода велел им наблюдать обстановку за рубежом, по возможности узнавать о ситуации в Лит- ве. Труфанов и Логвинов привезли интересные сведения о недавно прошедшем польском сейме и черкасах. Последние насторожили вдвойне, так как «пыше все (то бишь черкасы) в порубежных горо- дех, ждуд от короля указа». Таким образом, А. Труфанов и С. Лог- винов фактически были первыми севскими лазутчиками в Литве. Это отчасти подтверждает следующее сообщение воеводы Горихво- стова: «А в Севску ж до приезда нас у прежних воевод из городовых из жилецких и уездных людей для вестей за рубеж знающих людей не выбрано никого». Далее Горихвостов спрашивает: «...и впрядь о тех, которые учнут тебе, государю, служить, а в литовских городех проведывать вестей и твое государево жалованье и на подарок для вестей тем людям давать ли?» Государева грамота, привезенная в Севск с казаком Гришкой Юргиным, одобрила идею Горихвосто- ва¹⁹. Литовская сторона, отлично зная такой ход соседей, также вела строгий надзор за деятельностью русских торговых людей в своих территориальных пределах, порой прибегая к самым изощренным методам. Так, в начале ноября 1624 г. в Новгород-Северский был направлен севский пушкарь-«торговый человек» Андриюшка Луха- пин с разнообразными товарами, среди которых были куницы, шелк, рукавицы, мыло костромское. Местный урядник, капитан Счастный Вишель, на месяц с лишним пушкаря у себя в городе задержал «и в Севске из Новгородка не отпустил неведомо для чего». Вернувшись Андриюшка Луханин только в январе. Объясняя причину задержки, пушкарь рассказывал следующее. Неудачно торговавшись с самим Счастливым Вишелем, Андриюшка был «напрасно оговорен» новгород- северскими посадскими людьми Гришкой Киреевым, Федькой По- чекаем²⁰ и его «бабкой литовкой». Как впоследствии заявил пуш- карь — «научил их сам урядник». Посадские люди якобы слышали,

как загулявший Андриюшка в кабаке при них самих «лаел [ругал] короля и королевича». Посчитав это серьезным поводом насолить «московитам», Вишель посадил Луханина «за пристава... за гойду- ки», где тот просидел три недели. Вымогая товар за свободу, Счас- ный Вишель взял с севчанина 12 куниц ценою по 7 рублей каждая. После чего, когда Вишель вернулся из деловой поездки в Нежин, Андриюшка был освобожден «за поруки». Памятуя о своих обязан- ностях, Луханин узнал от своих знакомцев, жителей Новгород-Се- верского, что в городе, окрестностях и других «украинных литовс- ких городех» воинских людей нет, что в Гомельском уезде и Речи- цах стоят «Лисовчикова полку козаки»²¹, где «ваюют литовские села и деревни». Капитаном Вишелем были направлены два поляка в Ре- чицу и Гомельский уезд с целью разведать о численности и дальней- ших планах казаков. Вернувшись, поляки сообщили, что «собралось было козаков Лисовчикова полку три тысячи человек, и собрався стояли в Речицком да в Гомском [Гомельском] уезде», откуда и раз- бежались «по городом». При этом, Андриюшке, в Новгород-Северс- кий приехали белорусские торговые люди из Могилева. Не теряя момента, севский пушкарь представился могилевцам жителем Нов- город-Северского, дабы узнать про «збор литовских воинских лю- дей и про моровое поветрие». Могилевцы рассказали, что скопле- ния воинских людей в Литве нигде не наблюдается. Интересные под- робности были услышаны и об уряднике Счастном Вишеле, об его «неправде» в дипломатических и торговых делах «противно мирно- му постановленью»²².

Еще одним родом службы приборной мелкоты Севска, и, в час- тности, пушкарей, была служба в качестве приставов, подразуме- вавшая сугубо полицейские функции. В начале февраля 1626 г. «перепшли на... государево имя» из Новгород-Северского села Ивот крестьяне — братья Давыдка, Васька и Гаврилка Андреевы «со това- рыщи» вместе с семьями. В 20-х числах того же месяца рубеж пере- шли еще несколько семей ивотских крестьян. По простествии стан- дартной процедуры крестного целования, всем «ивотчанам», Да- выдке Андрееву со товарищи, было велено подыскивать себе пус- тые места для поселения. Крестьяне остановили выбор на починке Хинель Чемлыжского стана. Этот починок, как выяснилось, «зацу- стел от вайны литовских людей тому лет з дватцать» -- то есть как раз в Смуту. Новгород-северцам были определены льготы для дво- рового строения и земляной распашки. Однако севские воеводы

Прокофий Воейков и Никита Власьев были обеспокоены тем, что Хинель находится слишком близко к границе, правда, точное расстояние до рубежа им было пока не известно. Существующий порядок размещения на пашне выходцев из-за рубежа требовал селить их не ближе 50–70 верст от границы – «чтоб в том зарубсж-ным людем Смута не учинилась». С целью «досмотра» места в Хинель направился севский пушкарь Давыдка Долбин. Вернувшись от крестьян, он сообщил, что починок находится всего в 30 верстах от литовского рубежа, практически гранича с Рыльским уездом. По словам Давыдки, между почином и границей существовали еще песколько сел и деревень Чемлыжского стапа. Севские воеводы приказали крестьянам искать себе другое подходящее место для поселения – верст в 50 от рубежа. Все это вызвало возмущение у ивотчан, была подана челобитная в Разряд. Приехавший с очередного досмотра из Хинели пушкарь Севка Бабичев рассказал, что крестьяне уже поставили порядка 20 дворов с избами и клетями и завели пашню – по выражению самих переселенцев, «в двух полях пашню переложную распахали». И. Воейков и Н. Власьев решили дать крестьянам время до государева указа, «пока пашенная пора минетца». Что удивительно, государев указ запретил стоять выходцев с уже насиженного места, однако было велено впредь «зарубсжных мужиков» селить верстах в 70 от рубежа²³.

Численность

Количественные сведения о численности служилых людей Севска «пушкарского чина» в Разрядных книгах появляются лишь с 1625 г. Тем не менее, едва ли она существенно отличалась в период с 1620 по 1625 гг., если верить чудом сохранившимся выпискам из межевых книг 1623 г. Так, в 1625 г. в Севском остроге Комарицкой волости вместе с 200 стрельцами, 125 казаками (из них 111 конных, 14 пеших), пушкарей и затинщиков числилось 50 человек, воротников, кузнецов и казенных плотников – 11 человек. Захребетников (казачьих, стрелецких, пушкарских, затинщических детей, братьев и племянников) 112 человек. Всего 498 человек. Далее Разрядная книга сообщает примечательную подробность: «А бою у них никакого нет»²⁴. В следующем, 1626 г., численность, в принципе, оставалась прежней – 498 человек. За исключением того, что казаки стали теперь все конными и 25 человек из них были направлены по службе в Путивльский уезд, на реку Псел, «на городище» (без

уточнений, какое конкретно), «в прибавку к путивльским служилым людем». С государевым оружием в этом же 1626 г. улучшений не произошло: «А бою у них никакого нет»²⁵. В 1627 г. севчан уже 488 – захребетники по каким-то причинам теряют 10 человек²⁶. В 1628–1630 гг. ситуация все та же, однако в 1630 г., в качестве временных служилых людей, в состав севского гарнизона были включены даточные Чемлыжского и Радогожского станов – 10-й доли с 2065 дворов 225 человек²⁷. Далее, вплоть до Смоленской войны, относительно приборных служилых людей, количественная раскладка севского гарнизона продолжала оставаться стабильной. Исключение составляли лишь родственники служилых и даточные люди, численность которых варьировалась в зависимости от принципов набора и военной опасности (10-я доля либо же с «жилой выти»). После подписания Поляновского мирного соглашения в Севске появились 15 человек стародубских казаков, 2 пашенных крестьянина, а также 3 стародубских севрюка: «братья Мартемьянко да Наумко Дончины и Игнатко Демидов»²⁸. Последние явно выступают как некая отдельная от пашенных крестьян и служилых людей социальная или профессиональная группа, характерные особенности которой пока установить сложно.

В 1636 г. число стародубских казаков увеличилось до 22 человек. Вдобавок ко всему в Севске появляются стародубские и новгород-северские люди «пушкарского чина»: 23 человека, а также столько же «трубчевских выводных стрельцов»²⁹.

В начале 1640 гг., в разгар масштабного строительства системы засек и валов – Белгородской засечной черты, – московским правительством было принято решение о постройке двух новых городов – Вольного (на Вольном Кургане) и Хотмыжска (на древнем городище Хотмышль). Служилые люди Севска, участвовавшие в строительстве Хотмыжска (стрельная книга), были представлены 47 казаками с пятидесятником Федором Исаевым, 50 стрельцами сотника Карпа Рябинина и 5 пушкарями³⁰.

Охочий люд из Комарицкой волости записался в вольновские служилые люди в лице 4 севских казаков во главе с десятником Якушкой Грешным, 2 стрельцов и 3 пушкарей. Несомненно, что приток охочего люда из Комарицкой волости к Вольному кургану был гораздо многочисленнее, однако пробиться в штат ратного контингента этого будущего города посчастливилось лишь единицам. Временную службу в Вольном (9 человек) и Хотмыжске (5 человек) в феврале 1640 г. отбывали также севские пушкарки – в пору, когда в новом

городе появился артиллерийский паряд³¹. Севчанам было назначено жалованье в 4 рубля.

Чуть позже, в 1650 г., московское правительство начинает постройку двух новых городов в бывших пределах Путивльского уезда – в урочище Недрыгайлов (промысловом юрте местных посадских Недрыгайловых) и на Каменном городище. В «строельном деле» (строительных работах) участвовали и севчане, правда, только стрельцы и казаки.

По крестоприводной книге 1645 г., в Севске числились: 50 пушкарей собственно севских, 21 пушкарь и 8 воротников «стародубского выходу». Кроме них, в Севске значились пушкарских детей, братьев и племянников – 63 человека, пушкарских бобылей 18 человек³². Итого – 160 человек.

В 1676 г. раскладка по ратным людям «пушкарского чина» выглядела так:

пушкарей и воротников головы стародубца Федора Климова 110 человек с отцами, отставленными от службы, братьями и сыновьями;

– «на службе великого государя» в Киеве – 2 пушкаря, в Белеве – 10, «в полку стольника и воеводы князя Михайла Григорьевича Рамодановского» – 12 и 1 (Петрушка Бунаков, бежал в прошлом, 1675 г.). Детей пушкарей, не «посневших в службу», – 12 человек. «Воротничья» фракция севских служилых в численном плане была представлена в лице 19 человек³³. Вооружены они были бердышами, родичи и дети в основном рогатинами. Всего – 165 человек.

В 1687 г.:

- 42 пушкаря – «на лицо»;
- 6 воротников;
- 6 фитильных мастеров;
- 2 пороховых мастера;
- в тот же год «на Коломне» в полку окольного Ивана Леонтьева – 3 пушкаря, 1 воротник;
- в Батурине – 14 пушкарей, 2 воротника;
- «за старость и за увечья от службы отставлены» – 9 пушкарей;
- в уме «рушился» – 1 пушкарь;
- «пушкарские дети и свойственники и племянники, которые в возрасте [то есть старше 15 лет]» – 39 человек;
- пушкарских детей, свойственников и племянников «в малых летах» – 6 человек³⁴.

Как видим, здесь отчетливо выделились в обособленное сообщество фитильные и пороховые мастера.

По крестоприводной книге 1682 г., служилых и жилацких людей Севска царевичам Петру и Ивану Алексеевичам пушкарей головы Федосея Черкашенинова – 45, воротников – 7. Не присутствовали при крестном целовании по разным причинам «по справке в Севску в розрядной избе те люди посланы для государевых дел в Севской уезд и в розные города, а иные по сказке казачьих и стрелецких пятидесятников и десятников съехали для торговых промыслов и для своих дел» – 19 человек пушкарей, 2 воротника, 2 фитильных мастера и 1 пороховой³⁵. Общая численность – 76 человек (без детей и родственников).

К XVII в. ратные люди пушкарского чина сливаются в одно служилое образование – пушкарей, воротников и затинщиков мы уже не находим. По ландратской книге 1718 г., в Севске 46 пушкарских дворов, в Коростовке – 25 плюс 2 «бездворные избенки»³⁶. Вторая ревизия дает нам следующие цифры: пушкарского чина Севска – 119 душ, слободы Коростовка – 53 души³⁷. К 1760 гг. севские пушкарки становятся однодворцами, служба некоторых из них осуществляется в ландмилицийских полках.

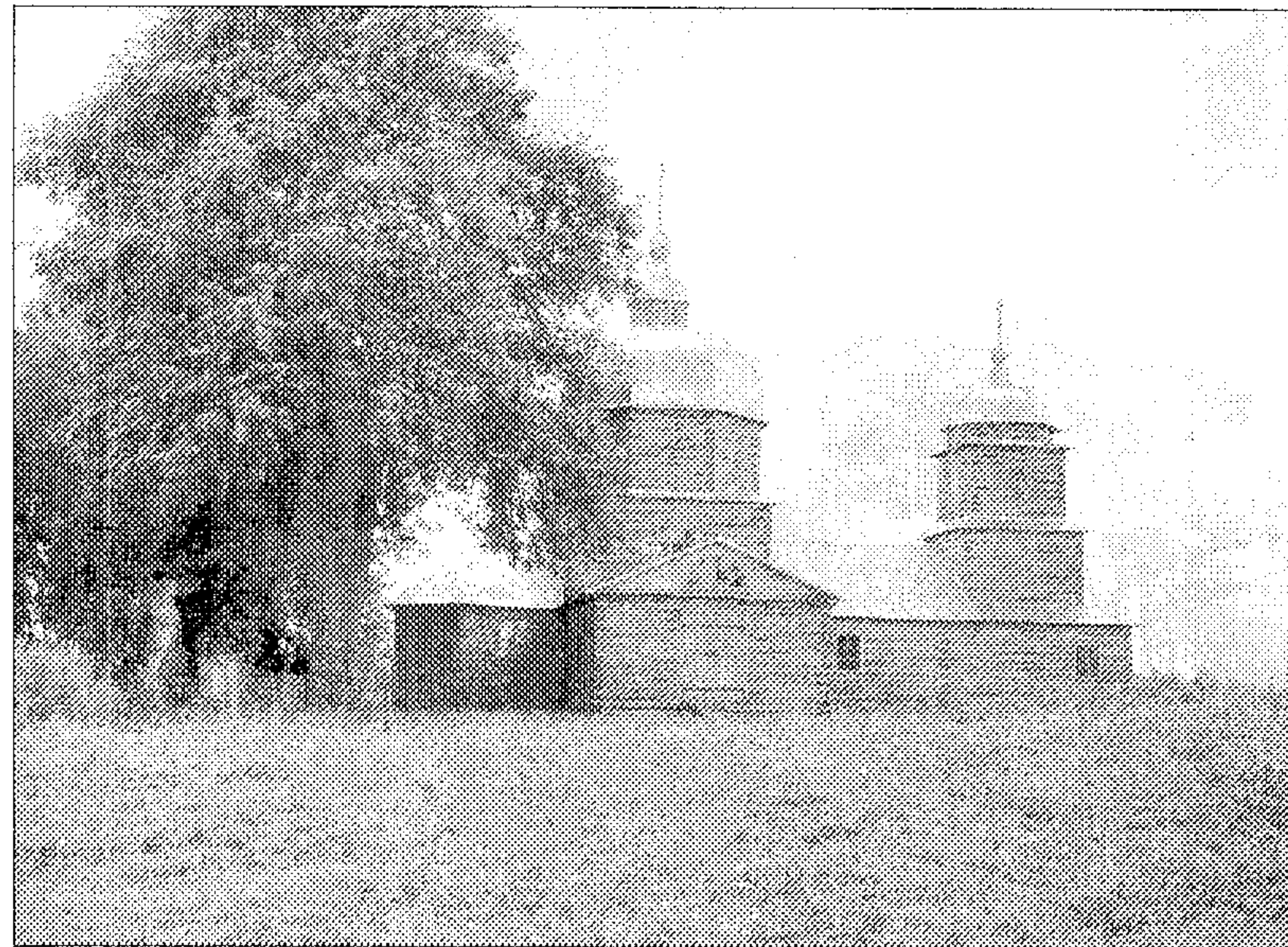
Земельное жалование

Как мы уже отмечали выше, достаточно распространенным видом жалования (в силу извечной нехватки денег) было наделение пушкарей землей. В 1643 г. севские пушкарки и затинщики, «стародубские сведенцы» Палтелей Мотосов «со товарищи» (23 человека) били челом в московский Разряд, прося у царя «вместить [их] землями по окладом» на пустоши Коростовка, вместо денежного и хлебного жалования. Царь прошение пушкарей и затинщиков одобрил, из приказа Большого Дворца в Комарицкую волость путному ключнику³⁸ Федору Басову на то пришла соответствующая грамота, «велено ему, Федору, ту пустошь дать им со всеми угодыями вместо государева жалования» – денежного и хлебного. Помимо этого, Басов обязан был отмежевать эту пустошь от «сторонних земель». Однако ключник с задачей не справился, т.к. вскоре умер. Темногим позже, в 1648 г., пушкарки вновь просили доверить это дело, к тому же на эти места уже претендовали севские полковые казаки. Более того – «многих сел и деревень драгуны», севские служилые люди на пустоши косили сено и рубили дрова³⁹. Севские

казаки Никиты Гуляева добились в съезжей избе очной ставки пушкарям. Гуляевым была предоставлена выписка из межевой книги «нисьма и меры» 1623 г., составленной Иваном Волынским и подьячим Петром Горемыкиным. Им же было заявлено, что пушкари «стородубского выводу» били челом государю ложно. Прибедняясь, казаки говорили, что служат они с той земли государеву службу «без престани», без нее «служить... служба не з щеве», а денежного жалованья не дают им «ни по единой деньги». Пушкарь Василий Ломакин попросил обратить внимание на то, что в межевой книге И. Волынского и П. Горемыкина речь идет только о коллективном владении угодьями, среди которых «пашни паханые и перелогу и дикия дубровы и сепных покосов и лесу около Севска в ближних и дальних местех», а о пустоши Коростовка, тем более о владении ею казаками, нет ни слова. В доверок к этому, Ломакин предоставил уже упомянутую грамоту 1643 г. на владение пушкарями и затинщиками коростовской пустошью. Грамота имелась, но межевание застопорилось на несколько лет.

Было проведено расследование, в ходе которого опросили 690 крестьян Комарицкой волости. Опрашиваемые сообщили, что пустошь Коростовка Чемлыжского стана лежала «впусте лет с тридцать и больши и никто ею не владеет, и к деревне в угодье не приписаны». Только здесь, на Коростовке, севские дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, казаки и окрестных сел и деревень крестьяне сено косят и дрова секут, «а в тягло к крестьяном не отдано, лежит впусте». В Разряде посчитали показания крестьян и доводы Ломакина убедительными и приказали выехать на Коростовку с понами и крестьянами-старожилами, чтобы доверить межевание пустоши пушкарям и затинщикам: «от... дворцовых земель», учинить призраки и внести все это дело в межевые книги. Севским казакам вести здесь промысловую деятельность впрядь воспрещалось.

В заключение подчеркнем, что численность людей пушкарского чина в Севске была на порядок выше, чем в прочих украинских городках. К 1650 гг. затинщики полностью исчезают из штата гарнизона Севска, слившись с пушкарями.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Коростовка (ныне Пушкино Севского р-на Брянской обл.). Фото Е.А. Журина

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 90; Дополнение к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1, № 91; Бранденбург Н. 500-летие русской артиллерии. СПб., 1889. С. 19.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. 361. Ч. 1. Л. 287 об.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 59–60.

⁴ Чернов А.В. Указ. соч. С. 90–91.

⁵ 52°09'00" с. ш. 34°29'38" в. д.

⁶ Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению, изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1850. Т. 1. С. 459.

⁷ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 719. 8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 473–474.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 473–474.

⁹ В расспросных речах бывших севских воевод И.Ю. Плещеева и П.С. Воейкова название двух станов дано ошибочно. Так, стан Брасовский назван Брасенским, а Радогожский на московско-подмосковный манер – Радонежским. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 355.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 24. Л. 384.

¹¹ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. № 42.

¹² Скрышников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 191.

- ¹¹ РГАДА. Ф. 210. Указ. соч. Д. 2. Л. 173.
- ¹² Там же. Д. 13. Л. 10–13 об., 21–31 об. / Поклонский Д.Р. Стародубская старина XI–XIX вв. Исторические очерки. Кн. 3. Клинцы, 2005. С. 112–121.
- ¹⁵ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. М., 1894. № 13. С. 6; РГАДА. Ф. 210. Указ. соч. Д. 109. Л. 399.
- ¹⁶ Сташевский Е. Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 270.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 1, ч. 1. Д. 105. Л. 111–111 об.
- ¹⁸ Там же. Столбцы Севского стола. Д. 118, 162, 131. Л. 174.
- ¹⁹ Там же. С. 187.
- ²⁰ В сообщении севских жителей А. Труфанова и С. Логвинова, ездивших к родственникам за рубеж в мае 1623 г., Федька Почекай назван новгород-северским казаком. АМГ. Т. I. С. 187.
- ²¹ Казаки полковника Александра Юзефа Лисовского, известного авантюриста Смуты. Не смотря на смерть Лисовского в 1616 г., его соратники продолжали именовать себя «лисовчиками» в память об их атамане. Позднее лисовчики отличились на полях сражений в Речи Посполитой, Австрии, Пруссии, Ломбардии и Чехии.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 14. Ч. 2. Л. 402–411.
- ²³ Там же. Д. 17. Л. 142–143, 466–476.
- ²⁴ Книги Разрядные. Т. 1. Стб. 1127.
- ²⁵ Там же. Стб. 1234.
- ²⁶ Там же. Стб. 1343.
- ²⁷ Там же. Стб. 277.
- ²⁸ Там же. Стб. 809; РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Д. 118. Л. 213.
- ²⁹ Там же. Стб. 916.
- ³⁰ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 117. Л. 104–105.
- ³¹ Там же. Д. 139. Л. 7, 8.
- ³² <http://diderix.petergen.com/rgd-s45.htm> // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любошь и местам ее окружающим. С.В. Кочевых.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Оп. 6г. Д. 13. Л. 37–45 // <http://diderix.petergen.com/rgd-s76.htm>.
- ³⁴ РГАДА. Севские книги. Оп. 6г. Д. 16. Л. 480–482 об. // <http://diderix.petergen.com/rgd-1687.htm>
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Дела разных городов. Д. 97. Ч. 2. Л. 914–927 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 362. Ч. 1. Л. 287 об.–295, 297–304 об.
- ³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 3056. Л. 52–58, 71–72 об.
- ³⁸ Представитель царской администрации в дворцовой волости.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 444–446 // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 191. Л. 412–435.